

ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ЛИТОВЦЕВ В 1800–1863 ГГ.:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО,
«ИМПЕРСКИЙ ПАТРИОТИЗМ»
И РУССКИЙ
«ДРУГОЙ» © Григорий Поташенко

Формирование национальной идентичности литовцев в настоящей статье рассматривается в необычном аспекте. В качестве основного выдвигается следующий вопрос: что собой представлял тот образ России, который складывался в ранний период формирования литовской идентичности в XIX–XX вв. И одной из главных причин рассмотрения этого вопроса является то заметное положение в Европе и Азии, которое занимала Россия в XVIII–XX вв. и продолжает занимать его сейчас.

Помимо исключительной значимости России для всего дискурса формирования литовской идентичности, вопрос об отношениях между Литвой и Россией – это центральный элемент непрекращающихся дискуссий о системе национальной безопасности Литвы. Более того, вопрос о том, относится ли Россия к Европе, является важным в дискуссиях о системе европейской безопасности в целом.

Восстановление независимости Литвы в 1990 г. вызвало к жизни активные процессы «репрезентации», приведшие к появлению новых литовских представлений о России. Несмотря на то, что эти представления и были поставлены под сомнение – в первую очередь, «патриотами», некоторыми политологами и правыми в политическом спектре Литвы – они все же господствовали в литовском дискурсе России вплоть до начала 2000-х гг., а значит и в первые годы правления президента В. Путина. Дело в том, что приход Б. Ельцина к власти интерпретировался двояко. Во-первых, из-за своего поведения он воспринимался как непредсказуемый. Непредсказуемость его, впрочем, оправдывалась тем, что он, как представлялось литовцам (и европейцам в целом), прикладывал усилия к тому, чтобы исправиться и страстно стремился к прозападной стратегии развития России. Этот взгляд в то время по сути переносился и на новую Россию. Во-вторых, одновременно с этим литовцы надеялись, что ельцинская Россия, однозначно утверждавшая себя в роли наследницы СССР и, следовательно, считавшая себя частью европейской системы новых государств, не будет возражать против интеграции Литвы в западноевропейские структуры и тем более каким-то особым образом не станет этому препятствовать.

Действительно, в 1991 г., когда Россия провозгласила свою независимость (12 июня), а Литва и Россия подписали договор об основах межгосударственных отношений (29 июля), название «Россия» (вместо СССР) стало фигурировать на страницах периодической печати и в заглавиях книг об этой стране. Таким образом, и название «Россия», и сама демократическая Российская Федерация с республиканской формой правления одновременно вошли не только в европейскую систему государств, но и в образ этой страны в сознании литовцев¹.

Вопрос об отношении Литвы к политическим союзам на территории бывшего СССР, в частности к Союзу независимых государств и, следовательно, к России, лег в основу конституционного акта «О неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам» от 8 июня 1992 г. Верховный Совет Литвы решил никогда и в никакой форме не вступать ни в какие новые союзы, создаваемые на основе бывшего СССР, хотя и высказался за развитие обоюдовыгодных связей с каждым из постсоветских государств². Память о завоеваниях СССР и январская агрессия советских войск в Вильнюсе в 1991 г. лишь усилили прозападную ориентацию Литвы и способствовали возникновению четкой формулировки, касающейся институциональной конкретики на территории бывшего СССР: двухстороннему развитию связей между новыми государствами – «да», новым восточным союзам – «нет». Хотя постсоветские страны считались частью системы межгосударственных отношений и признавались равными между собой, память о недавней советской оккупации и прозападническая ориентация новых политических сил отрицали возможность Литвы вступать в новые восточные союзы. Это было результатом решения, прежде всего, ее политической элиты, своевременно предложившей и организовавшей 9 февраля 1991 г. всеобщий и тайный опрос (плебисцит). В ходе этого опроса более чем три четверти жителей Литвы, имеющих активное избирательное право, высказались за то, чтобы «Литовское государство было независимой демократической республикой»³.

С распадом СССР в результате восстановления независимости ряда захваченных им государств и самой Российской Федерации в Литве стало постепенно формироваться новое восприятие России как страны, находящейся в процессе нормализации и демократизации, а с выводом российских войск из

¹ См., например: *Лауринавичюс Ч.* Опыт литовско-российских отношений – преодоление геополитической дилеммы, выступление на конференции «Россия и Литва: навстречу XXI веку» в Москве (29 марта 2001 г.) [просмотр в июне 2006 г.]. В интернете: <http://www.risa.ru/publications/2001-03-29/index.html>

² Lietuvos Respublikos konstitucinis aktas „Dėl Lietuvos Respublikos nesisijungimo į postsovietines Rytų sąjungas“ // Lietuvos Respublikos Konstitucija. Vilnius, 1993, p. 117–118.

³ Lietuvos Respublikos konstitucinis įstatymas „Dėl Lietuvos valstybės“ // Lietuvos Respublikos Konstitucija. Vilnius, 1993, p. 113–114.

Литвы в 1993 г. и подписанием договора о границах между этими странами в 1997 г. – даже как хорошего соседа на востоке. Подобное превращение советской России (СССР нередко отождествлялся с Россией) из «оккупанта» в политическое образование, переживающее новое возрождение, в страну, вставшую на путь нормализации, снизило роль «Русского» как основного «Другого» по отношению к литовской идентичности. Это подтверждают и результаты опроса общественного мнения, показывающие, что литовцы больше всего симпатизируют русским (в этом вопросе литовцы значительно отличаются от своих соседей в Латвии и Эстонии, также ставших независимыми). В Западной Европе, где после Второй мировой войны СССР был основным «Другим», также менялись представления о России, однако в различных европейских странах формировалось разное восприятие России. Так, в преамбуле договора между Россией и Францией от 7 февраля 1992 года (без наименования) Россия провозглашена государством – продолжателем СССР, единственным (по праву крупнейшего и сильнейшего) сохраняющим статус центра международного сотрудничества⁴. Аналогичное положение содержится в «Договоре о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Королевством Испания» от 12 апреля 1994 г.

С изменением образа России, превратившейся из «советского оккупанта» в постсоветскую страну, вставшую на путь нормализации, уменьшилось и ее значение как «Другого» для литовской идентичности. Причин было несколько: во-первых, процесс демократизации, во-вторых, растущая уверенность в безопасности Литвы, особенно после ее вступления в НАТО и, в-третьих, глобализация.

Ссылка на «восточные союзы» говорит о том, что Россия с точки зрения Литвы по-прежнему остается хоть и главным представителем Востока, но уже не единственным. Когда на смену СССР пришли новые национальные государства, граница между «Россией», «русским» и литовской идентичностью стала до некоторой степени стираться. Сказанное, однако, ни в коем случае не означает, что Россия теперь в Литве воспринимается как обычная страна. Отголоски прошлых репрезентаций – образа императорской России как «Другого» и образа русских в самой Литве как пришлых «чужаков», которые были столь важны для формирования «литовскости» как таковой еще в XIX в.; образа СССР (советской России или «русской власти») как основополагающего «Другого» и образа русских в самой Литве как «оккупантов», «пятой колонны» или

⁴ Beauvois D. Linguistic Acculturations and Reconstructions in the ULB Group (Ukraine, Lithuania, and Belarus) // Judi T., Lacorne D. (eds) *Language, Nation, and State: Identity politics in a Multilingual Age*. New York, 2004, p. 202.

образа СССР как коммунистической страны, общего «Другого» дома для всех советских народов, в частности русского и литовского – слышны до сих пор.

Когда на смену Б. Ельцину к власти пришел новый президент, В. Путин, которому Конституция предоставила почти неограниченную власть, Россия начала, наконец, более четко определять свои национальные интересы. Она явно стремится к тому, чтобы вернуть себе статус лидера в постсоветском пространстве, порой выбирая при этом жесткие способы отстаивания своих геополитических интересов, и даже претендует на то, чтобы стать одним из крупных игроков в мировой политике. К примеру, известные политтехнологи из проектного комитета, главной задачей которых является «обсуждение основных проблем государства на языке ответственной власти», считают, что национальные интересы России в Балтийском регионе основываются «на вечных приоритетах России на Северо-Западе: стратегическом контроле над морским побережьем Балтийского моря, поддержании статуса ведущей балтийской державы и безусловного обеспечения суверенитета России над Калининградской областью»⁵. В последние годы такие голоса в России звучат все чаще. Это вызывает определенный резонанс среди общественности Литвы и нередко воспринимается как «усиление враждебной пропагандистской кампании», поскольку культурная травмированность советским – прежде всего, сталинским – наследием развила у литовцев (и у многих балтийцев) особую чувствительность «к подстерегающим их на Востоке и приходящим с Востока опасностям»⁶. Постепенно стал вырисовываться образ большой и сильной президентской державы, обладающей авторитарными чертами и склонностью использовать свои экономические ресурсы (нефть, газ и пр.) для достижения своих геополитических целей, образ, представляющий собой яркий контраст на фоне достаточно четкого, но малоразвитого образа ельцинской, демократической России.

Несмотря на то, что спустя десять лет после развала СССР российское общество, кажется, обрело некоторые черты стабильности, перед ним все еще стоят крайне сложные проблемы – например, в области формирования современных демократических институтов, включения в глобальную систему

⁵ Иванов Н., Колеров М., Павловский Г. Необходимость и потенциал активных действий в Прибалтике [просмотр 17 июня 2006 г.]. В интернете: <http://www.pravda.ru/world/former-ussr/latvia/33699-0/>

⁶ Станкевич А. Очерк возникновения русских поселений на Литве. Вильна, 1909, с. 9; Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Sąjūdžio: Lietuva XIX amžiuje. Vilnius, 1996, p. 53–106; Горизонтов А. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. Москва, 1999, с. 7; ср.: Каптелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение история распад. Москва, 2000; Западные окраины Российской империи. Москва, 2006.

мирового хозяйства и пр. Заметная активизация России после 2000 г. на пути решения проблем в отношении своего места в современном мире привела к более широкому диапазону ее репрезентаций и амплитуде их изменений. Литовская дипломатия и умеренные политические круги сохраняют главным образом риторику «позитивной дипломатии», как основы хороших отношений с соседними странами. Однако более радикальные политики, многие политологи и особенно средства массовой информации более открыто и смело используют адаптированные в новых условиях или прямо заимствованные идеи и понятия из прошлого, когда Россия/СССР имел имперский статус на протяжении нескольких веков.

В настоящей статье представлены формы, способы и ограничения при использовании дихотомии «Я/Другой» в исследовании формирования национальной идентичности литовцев в 1800–начале 1860-х гг. В статье представлен анализ формирования идентичности народа, образованного по территориальному признаку. Работа посвящена тому, как литовская (этническая) идентичность складывалась в отношении к русскому «Другому». Заключение, основанное на этом экскурсе, показывает, каким образом дихотомия «Я/Другой» может помочь пониманию коллективной идентичности.

Становление современной Литвы ранее не рассматривалось с точки зрения той роли, какую в этом конкретном случае формирования литовской идентичности сыграло отношение «Я/Другой» (на примере России). Однако в случае литовского и русского народов производство знания за последние десятилетия в немалой степени успело теоретически и практически продемонстрировать, как это происходит. Тем не менее, есть несколько причин, побудивших предпринять опыт анализа проблемы создания литовского народа.

Поскольку основная цель этой статьи – продемонстрировать функционирование отношения «Я/Другой» на нескольких уровнях формирования литовских идентичностей, то разумно было бы начать с рассмотрения стратегического националистского дискурса, который, по-видимому, чаще всего активизируется в большинстве контекстов и которому приписывается наибольшее политическое значение. Есть и содержательная причина этого аспекта проблемы. Основная тема статьи – насколько русский «Другой» был важен для формирования литовских идентичностей. В литовской политической мысли XIX в., в частности в литовском национальном движении, русский конструировался как «Другой», причем воплощением инаковости был «русский империализм» и «завоеватель». Репрезентация новой Литвы – в случае старых (политических) и новых (этнических) литовцев – после 1795 г. включала в себя реинтерпретацию бывшей дворянской страны – Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) – как «республиканской» и по сути «демократической».

Помимо двух причин – формальной и содержательной – существует третья, методологическая причина: рассмотрение дополнительного случая позволяет взглянуть на проблему формирования идентичности литовцев еще и с другой точки зрения. В статье я сосредоточусь на том, как представление о России в качестве «Другого» превращается в способ борьбы за политическое господство, которую ведут между собой две саморепрезентации литовского «Я» («краевцы» и «националисты»). В различных процессах формирования идентичности преобладают различные формы конструирования «Другого», требующие различных интерпретаций.

Систематичное изложение материала в статье начинается с 1830 г., хотя по мере необходимости делаются экскурсы и в более раннюю эпоху. 1830–1831 гг. являются важным рубежом в польской политике царской России, началом коренного поворота в ее обрусительной политике, которая, претерпев ряд метаморфоз, продолжалась до крушения монархии⁷. Верхняя хронологическая грань – 1860 г. – обусловлена историческим моментом в преддверии «великих реформ» и восстания 1863–1864 гг., когда российская администрация приступила к форсированной политике интеграции и русификации края.

Создание литовского народа: русский «Другой»

Различные литовские репрезентации русских и России сменяли друг друга в течении того, что называют долгим XIX в., – от Великой французской революции до Первой мировой войны. Уже в XVIII в. в Европе доминировало представление о России как о державе, чье господство «на Севере» (оппозиция «Восток–Запад» возникнет лишь в XIX в.), усилившееся в результате расширения ее границ до Балтийского моря после Северной войны и вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, дало ей право играть роль в европейской политике. Конечно, из этого следует, что польско-литовское, как и шведское, представление о России как носителе военной угрозы получило более широкое распространение. Установление российского протектората над Речью Посполитой после Немого сейма 1717 г. не было немедленно воспринято всем правящим сословием дворян как непосредственная военная угроза стране, но все ясно видели, что эта угроза стала реальной. В XVIII в. в Речи Посполитой сложились две группировки: патриотическая, настроенная к России более враждебно, и прорусская. Именно тогда возникли два конфликтующих пред-

⁷ Ср. Рубавичюс В. Как Литве улучшить отношения с Россией? [просмотр 10 июля 2006 г.]. В интернете: <http://www.forumvilnius.lt/>.

ставления о России: первое – как о гаранте стабильности Речи Посполитой и второе – как об опасном сопернике или своего рода «варваре у ворот».

Разделы Польши и Литвы в конце XVIII в. привели к уничтожению ее государственности и установлению 120-летнего господства России над большей частью земель этой страны. В начале XIX в. Россия была признана великой державой, и после разгрома Наполеона Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия создали Священный союз против Франции. Россия оставалась полноправным игроком на европейской политической арене в течение всего означенного периода. Можно утверждать, что результат разделов Речи Посполитой – ее исчезновение с политической карты Европы – помог расчленить идею «Европы», впервые и надолго утвердив господство России в Восточной Европе, но практически без Польши и Литвы (за исключением двух случаев – политической автономии Варшавского княжества в 1807–1815 гг. и Царства Польского в 1815–1832 гг.). Иначе говоря, господство России на «Севере» с начала XVIII в. и ее экспансия на запад неминуемо привели к репрезентации координат Европы, что повлекло за собой возникновение в XIX в. оппозиции «Восток–Запад», играющей главную роль по сей день⁸.

Оба вышеупомянутых господствующих в XVIII в. польско-литовских представления о России, адаптированные в новых условиях, сохранили свою актуальность. После крушения государства патриотический лагерь получил более широкую поддержку общественности Польши и Литвы; по отношению к России он был настроен более враждебно, чем ранее. Это наглядно проявилось в двух потерпевших поражение польско-литовских восстаниях против господства России (в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.). Необходимо подчеркнуть, что сторонники прорусской партии были тогда постепенно маргинализированы, а образ России как державы, способной помочь восстановить независимость Речи Посполитой, был отодвинут на задний план.

Тем не менее, не стоит забывать, что вопросу о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. не было позволено тотально доминировать в дискурсе общественности Польши и Литвы XIX в. Взгляд на Россию как на захватчика Речи Посполитой развивался и, следовательно, стратегический дискурс стал фокусироваться на вопросе об освобождении страны под эгидой дворян. Однако с определенного момента этот процесс шел параллельно с развитием идеи национализма, господствующей в этом регионе со второй половины XIX в.

⁸ Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва, 2004, с. 114.

Вульф А. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Москва, 2003, гл. 5.

(между тем, зарождение польского национализма можно отнести к концу XVIII в.). Национальные движения поляков, литовцев, белорусов и украинцев выработали различные отношения к наследию Речи Посполитой и в начале XX в. начали формулировать свои видения политического будущего, которые не только отличались от чаяний сторонников восстановления Речи Посполитой, но и соперничали между собой. Стратегический дискурс национализма фокусировался главным образом на законном праве на самоопределение народа, находящегося в составе Российской империи. Важно то, что национализм был основан на этнических, а не историко-политических категориях.

В числе народов, земли которых благодаря разделам Речи Посполитой стали частью России, были литовцы. Они проживали главным образом в Вильнюсской, Каунасской (образована в 1843 г. из семи западных уездов Вильнюсской губернии) и Сувалкской губерниях. Из приблизительно 2,7 миллионов человек, проживавших на этой территории на момент переписи 1897 г. 58,3 % идентифицировали себя по языку как литовцы (и жямайты), 14,6 % – как восточные славяне, 13,3 % – как евреи и 10,3 % – как поляки⁹.

Интенсивные социальные и политические изменения в области российского государственного строительства начиная с 1860-х гг. привели к активизации строительства литовского народа, хотя начало этого процесса можно отнести к так называемому литуанистическому движению студентов Вильнюсского университета или культурному движению жямайтов в 1820-х гг.¹⁰. Далее в статье рассматривается формирование литовского «Я» в противопоставлении к русскому «Другому». Репрезентации «России» были сосредоточены на России как государственном образовании, где в XIX в. проживал литовский народ.

При написании истории литовцев создатели народа собрали богатый урожай из различных письменных источников. В конце 1820 – начале 1850-х гг. Симонас Даукантас, несомненный лидер раннего литовского (жямайтского) национального движения, впервые написал историю Литвы (литовцев) на литовском языке (точнее, на одном из его диалектов – более близком к жямайтскому). Согласно С. Даукантасу, сославшемуся на Плиния, термин «Литва, литовцы» прослеживается начиная со II в.: «За Паннонией на север находится (сегодня это земли Венгров) народ, называемый *latovici*»¹¹.

Основываясь на достижениях сравнительного языковедения того времени, он с некоторой осторожностью высказывал мнение о том, что предки литовцев

⁹ *Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje: Lietuva XIX amžiuje. Vilnius, 1996, p. 232.*

¹⁰ Там же, p. 247.

¹¹ *Daukantas S. Raštai, t. 2. Vilnius, 1976, p. 11.*

ведут свое происхождение из Индии и на разных этапах продвижения к тогдашней территории Литвы назывались по-разному: скитами, хеттами, герулами, эстами и пр.¹². Конечно, в свете современных данных, эта предыстория Литвы является неверной. Даукантас также заметил, что литовский народ состоял из шести родов, между которыми была «незначительная разница в языке». Это два литовских рода – кальненай и жямайты, латыши (курши и видземцы), пруссы, ятвяги и кривичи, или по терминологии современников Даукантаса «белые гуды»¹³. Ареал распространения этих «литовских родов» был разделен соответственно на территориальные области. Начерченная им география распространения этих родов (племен) приблизительно соответствовала территории расселения балтов в первом тысячелетии нашей эры¹⁴. Однако эта территория расселения «литовских родов», учитывая ассимиляцию пруссов и ятвягов (об этом писал и Даукантас), соотносима также с землями ВКЛ после 1569 г., к тому же она захватывала еще и Ливонию, входившую в состав Речи Посполитой в 1582–1660 гг. В словах Даукантаса прочитывается та теснейшая связь, которая существовала в XIX в. между народом и территорией. Иными словами, новое языковое понятие «литовского народа» ретроспективно было наложено поначалу главным образом на балтский ареал, а затем и на более позднее политическое тело ВКЛ.

Если наше предположение верно, то это позволяет уточнить утверждение современной литовской историографии о том, что концепция истории Литвы Даукантаса была основана исключительно на этноцентризме, а сам историк был балтофилом. Можно предположить, что на раннем этапе национального движения в своей исторической концепции Даукантас стремился сочетать две точки зрения на историю Литвы: этноцентрическую (по-сути балтофильскую) и политическую, главным объектом которой была история ВКЛ. Вопреки «короняжским» историкам, он отметил черты государственности ВКЛ и после Люблинской унии, хотя свой самый большой труд по истории Литвы – «Историю жямайтов» (написана до 1838 г.) – Даукантас закончил «у гроба Сигизмунда Августа»¹⁵.

Симонас Даукантас, будучи истинным представителем романтической историографии, идеализировал и возвышал древнюю историю литовского народа и Литовского государства в XIII – начале XV вв., противопоставляя ее последующим «темным» векам. Христианство, крепостничество и порабощение

¹² *Daukantas S. Raštai*, t. 2. Vilnius, 1976, p. 12–27.

¹³ Там же, p. 13–14.

¹⁴ *Merkyš V. Simonas Daukantas*. Vilnius, 1991, p. 104.

¹⁵ Там же, p. 101–102.

народа – все это в его глазах обрушились на Литву одновременно. Он считал, что польское влияние в Литве способствовало распространению крепостничества, «своеволию беспутных дворян» и их полонизации. Как представитель эпохи Просвещения, приверженный теории естественного права (ее преподавали профессора Вильнюсского университета), Даукантас критиковал крепостничество и несвободу поработщенного человека и целого народа и связывал их с невыполненным историческим предназначением «высокоученых мужей» (прежде всего дворянства) и государства.

Действительно, с тех пор как ранние литовские националисты адаптировали германское националистическое мышление для собственных целей, существует противоречие между теми, кто придает первостепенное значение природной (или божественной) силе народа, и теми, кто во главу угла ставит силу государства. Историк крестьянского происхождения С. Даукантас, похоже, сумел соединить обе эти тенденции в своей исторической репрезентации Литвы, основанной на языковых и историко-юридических аргументах. В сущности, это была репрезентация истории ВКЛ, прикрытая в условиях придирчивой, а затем жесткой николаевской цензуры названиями «История жямайтов» или «Рассказ о деятельности литовского народа в древности»¹⁶ (Действительно, его «Историю жямайтов», переиздавая в начале 1890-х гг. в США, называли «Историей Литвы»¹⁷). С. Даукантас смог использовать их в дискурсивной работе вопреки господствующим унитарным концепциям истории Польши польских ученых, имперским концепциям истории России русских исследователей и явно антипольской (можно сказать и антилитовской) цензуре николаевского правительства. Это было большим достижением, к которому на более высоком уровне своего развития литовская историография вернется лишь в 1930-х гг., когда известный историк А. Шапока сформулирует кредо исключительно этноцентрической концепции истории Литвы: «ищите литовцев в истории Литвы».

Если мы обратимся к вопросу об образе России в трудах Даукантаса, то столкнемся с проблемой первичных источников или открытых цитат. Российская цензура была бдительной, особенно в западных губерниях после 1830 г. Авто-

¹⁶ Начиная с последней трети XIX в. и до наших дней критики и почитатели замечали, что язык и стиль работ Даукантаса сложен и труднодоступен для широкого читателя. При этом они часто замечали, какое культурное значение имело открытие истории Литвы и литовского народа. Исторические труды, которым Даукантас посвятил десятилетия своей жизни, рискуя своей карьерой служащего российской администрации, могут вызвать немало нареканий современного историка; но за этими нареканиями терялось бы экзистенциальное волнение первопроходца и ответственность перед воображаемым народом, которую он чувствовал, работая над своими историческими трудами.

¹⁷ См.: *Merkys V. Simonas Daukantas*. Vilnius, 1991, p. 101.

цензура также наложила свой отпечаток. Поэтому представления Даукантаса о России приходится собирать по крупицам или прибегать к их реконструкции. Россия для Даукантаса, несомненно, являлась исторически «Другой», чуждой страной. Царская власть в XIX в. была результатом «захвата», «овладения» Литвой. Передавая рассказ регента Верховного суда Вильнюсской губернии А. Вилгоцкого о древней границе между русскими (в тексте – гудами) и литовцами, Даукантас писал:

«Когда гуды заняли всю Литву, Екатерина II, императрица гудов, подарила своему министру весьма обширные волости близ Слуцка»¹⁸.

Перефразируя самого Даукантаса, можно сказать, что XIX век – это эпоха «русского владычества», «русского порабощения», наступившая после веков «литовской свободы», «литовского величия» и последовавшего за ними (начиная с принятия католичества) «польского влияния» и даже стремления поляков к «порабощению»¹⁹.

Кроме того, Даукантас, исходя из теории естественного права о свободе и независимости любого человека, критически относился к крепостничеству, к отсутствию необходимого народного просвещения, к идеологии социального мира в условиях господства дворян и к бюрократической цензуре в России; кое-что из этого Даукантас считал наследием прошлого и приписывал главным образом польскому влиянию в Литве. Для него образ исторически и политически совершенно «Другого» – России, властвующей в тогдашней Литве, как бы накладывается на представление о Польше как историческом «Другом» и о поляках как внутренних «Других», обосновавшихся в Литве после крещения. Однако, несмотря на то, что в тогдашнем польском дискурсе России господствовало представление о ней как о враждебной стране, «горячий литовец» Симонас Даукантас, кажется, тяготел к нейтральной позиции в русско-польском национальном конфликте. Он не был склонен к активной поддержке поляков в борьбе против России (восстания – это и проверка конкретной идентичности); он не примкнул ни к одному из двух польских восстаний в Польше и Литве. Даукантас так поступал, вероятно, не потому что не был патриотом своей родины (конечно ВКЛ, а не Российской империи) или свободолюбцем, а потому что прохладно относился к политическим и социальным идеалам великой Польши во главе с дворянством. Позже, во время второго восстания, брошенный А. Герценом девиз «За нашу и вашу свободу» для Даукантаса звучал бы как призыв за свободу одного из «чужих», а точнее – за национальное

¹⁸ См.: *Merkys V. Simonas Daukantas*. Vilnius, 1991, p. 101.

¹⁹ *Daukantas S. Raštai*, t. 2. Vilnius, 1976, p. 63.

подчинение «Другому» политическому телу. В этом – корни идеи о том, что Литва должна надеяться, прежде всего, на свои силы, на «литовский народ» (акцент на этноцентризм), а поскольку она расположена рядом с Польшей и Россией, то литовская политика должна учитывать этот факт (Даукантас делал акцент на нейтралитете). Иными словами, стратегический дискурс литовцев в XIX в. начал формироваться без видения стратегического партнера.

Таким образом, уже в раннем националистском дискурсе литовцев Россия преподносится как четко фиксированный «Другой», политическая власть которого – итог завоевания Литвы, примерно с XV в. находившейся под сильным влиянием поляков. Эта репрезентация России как исторически и политически «Другого» и, к тому же, завоевателя Литвы господствовала и в XX в. Фрагментарно присутствует она и в современном националистском литовском дискурсе – и сегодня бывают случаи, когда образцы прошлого вдруг проявляются в литовских представлениях о русских. Основное различие заключается в том, что в случае литовцев Российской империи эта метафорика на протяжении XIX и не только XIX в. была неизменной, но в пределах империи скрываемой чертой литовского дискурса.

Можно добавить, что литовский образ России как завоевателя – это вариация представления о «варваре у ворот» в европейской идентичности, возникшей в стратегическом дискурсе XIX в.²⁰ Существенное различие заключалось в том, что в случае Литвы «варвар» уже «хозяйничал в доме».

Одновременно с бытованием представлений о России как «завоевателе» предпринимались попытки принять идею о том, что, поскольку государственность утрачена, перед литовской общественностью стоит задача поиска модели взаимоотношений между обществом края и господствующей российской властью. При этом в зависимости от оценки присоединения Польши и Литвы к России предпринимались попытки построить различные модели: одни подчеркивали необходимость отстаивать социальные и культурные интересы литовского общества и всячески развивать их при каждой благоприятной возможности, другие акцентировали роль интеграции в российское общество и социальный мир.

Представления о России как о грозном завоевателе в обоих случаях были схожими и, несмотря на то, что открыто не высказывались, зачастую без труда подразумевались. Литовские книги, равно как и все другие, подвергались цензуре, которая могла не все пропустить в печать. Запрещенные книги или их фрагменты являются для нас как раз наиболее любопытным материалом. В

²⁰ Об этом больше см.: Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва, 2004, гл. 3.

1852 г. цензор и православный священник А. Пяткявичюс отметил такое «достаточно чувствительное» описание событий 1794 г. в книге известного ксендза и общественного деятеля литовского национального движения XIX в. М. Валанчюса «Жямайтийское епископство»:

«Жямайтов взволновало несчастье, потрясшее в 1794 г. погибающее Польское государство, когда не стало множества людей и денег. Весь народ, подобно жителям Ниневи, по призыву епископа Стянонаса Гедрайтиса, постился и молил Бога о помощи»²¹.

В произведении М. Валанчюса мы видим распространенную в российской и польской историографии XIX в. интерпретацию событий, согласно которой Литва уже с 1569 г. была частью Польши, а «жямайтская народность» населяла принадлежащий ей край. Исторические взгляды будущего католического епископа отмечены явной чертой провиденциализма. Валанчюс сравнивает события из жизни двух народов, оказавшихся в страшных кризисных ситуациях, – библейский рассказ об ассирийцах Ниневи, изложенный в Книге пророка Ионы, и эпизод из прошлого жителей северо-восточной части Речи Посполитой, приведенный в его книге. Ассирийцы долго и упорно шли против своего Бога, но их искреннего покаяния было достаточно, чтобы Господь сжалился над ними и отменил Свой приговор. В случае Польши и Литвы Бог рассудил по-другому, а стало быть, такова Его воля. Христианская точка зрения на историю строится на важности той роли, которую Божья милость и Божий суд играют в жизни людей. Кажется, отсюда возникла метафора истории Польши (сегодня в Литве сказали бы истории Польши и Литвы) как Божьей игры, метафора, до сих пор присутствующая в англоязычном западноевропейском дискурсе и в последние десятилетия «завоевавшая» Польшу и Литву (книга британского историка Н. Дэвиса «Божья игра: История Польши в двух томах» переведена на польский и литовский языки²²).

Логично было бы предположить, что к этим кардинальным переменам в политической жизни страны консерваторы, к которым принадлежал и католический ксендз Валанчюс, могли относиться менее драматично, чем либералы и радикалы. Книга М. Валанчюса «Жямайтийское епископство» в последние годы «террора цензуры» при Николае I была запрещена. Интересным было и замечание ее цензора:

«Это произведение по своему духу и намерениям написано с целью поддержать жямайтскую народность, край, принадлежавший Польше»²³.

²¹ Цит. по: *Medišauskienė Z.* Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Vilnius, 1998, p. 264.

²² *Davies N.* Dievo žaistas: Lenkijos istorija, t. 1–2. Vilnius, 1998, 2002.

²³ Цит. по: *Medišauskienė Z.* Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Vilnius, 1998, p. 262.

Можно предположить, что в глазах частично обрусевшего православного литовца А. Пяткявичюса, «присоединение» Польши к России могло выглядеть как событие, обусловленное волей providения, а потому в известной степени неизбежное, которое надо принять как данность, смириться с ним и, вероятно, даже приветствовать. И вряд ли случайным было то, что пророссийски настроенные литовцы, в особенности православные, намного быстрее других признали легитимный статус господства России в Литве, а затем стали более отзывчивыми к идеалам «имперского патриотизма». Они гораздо спокойнее относились к стратегическим намерениям России в Литве, которые от унификации и деполонизации после 1863 г. переросли в форсированную интеграцию и русификацию. Провиденциализм и монархизм среди православных также был в моде. Этих воззрений придерживался П. Кукольник и многие другие российские историки и общественные деятели в Литве и в России.

После того как поиск модели сосуществования с Россией стал трактоваться не с государственной (республиканской), а с общественной точки зрения (которая имела две формы – этноцентрическую и имперскую), все меньше было смысла в представлении о том, что лишь участие в борьбе за восстановление Речи Посполитой само по себе придает литовскость (или польскость) той или иной общественной группе или движению. Смена трактовки произошла тогда, когда после восстания 1830–1831 гг. все меньше оставалось сомнений по поводу ключевой роли России в управлении литовским обществом (сомневающимися все-таки было немало и вместе с прибывшими эмигрантами они участвовали в восстании 1863–1864 гг.), и это действительно было существенным сдвигом.

Более того, поучительным было то, что поиски моделей сосуществования в составе России²⁴, предпринятые в литовском дискурсе во второй четверти XIX в., были не деконтекстуализированы, но в значительной степени обусловлены культурным контекстом. Выходя за пределы стратегического дискурса, лидеры литовской общественности ставили более общую проблему – проблему «борьбы культур» – литовской и русской. Литовские интеллигенты явно не были одиноки в этом вопросе. В бурный спор между русскими и поляками, достаточно оживленную дискуссию о характере и будущем литовской культуры, особенно после 1863 г., включились русские бюрократы, публицисты, писатели и некоторые ученые²⁵.

²⁴ Они зачастую рассматриваются как относящиеся к литовской парадигме этноцентрического или имперско-русского стиля концептуализирования истории многокультурного ВКЛ; в обоих случаях антипольского стиля.

²⁵ *Staliūnas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam–New York, 2007.*

Расширение поиска моделей отношений с Россией и вследствие этого релятивизация значения борьбы за независимость Речи Посполитой также оказались продуктивными в долгосрочной перспективе, поскольку после 1863–1864 гг. идея независимости древней Республики и различные варианты восстановления обновленного ВКЛ приобрели маргинальное значение в литовском стратегическом дискурсе.